

Я был директором Большого театра...

В течение 15 лет Михаил Иванович Чулаки был директором, а затем директором и художественным руководителем Большого театра Союза ССР (1955—1959 гг. и 1963—1970 гг.).

Известный композитор, общественный деятель, он много сделал для пропаганды искусства Большого театра за рубежом, для пропаганды с его сцены произведений советских композиторов.

Издательство «Музыка» готовит к печати книгу воспоминаний М. И. Чулаки «Я был директором Большого театра...».

Сегодня мы начинаем публиковать главы из этой книги. Надеемся, что их с интересом прочтут и те, кто знал М. Чулаки и работал с ним, и те, для кого в книге откроется живая история Большого театра, написанная человеком, любившим театр и его мастеров, преданно служившим театру.

Лиха беда начало

Ярым ревнителем демонстрации монументальных форм искусства союзных республик в Москве зарекомендовал себя министр культуры СССР Н. А. Михайлов, бог знает, по каким признакам назначенный на этот пост в конце 50-х годов.

Кстати, узнав о назначении этого деятеля, шагнувшего на высшую ступень иерархии культуры с багажом в объеме, как говорили, четырех классов начальной школы, мой бывший шеф Н. Н. Беспалов впал в озлобленность и мрачно предупредил меня: «Замочает тебя Михайлов, ох и замочает!».

И, действительно, от Михайлова в театре просто житья не стало.

Обычно он начинал дипломатическую подготовку в ходе заключительного спектакля какой-либо декады, пользуясь присутствием в ложе местного руководства. Схема разговора была примерно такова: «Прекрасный спектакль! По-моему, он заслуживает

быть в репертуаре труппы Большого театра. Я уже говорил об этом с его директором, но тот почему-то не согласен со мной...».

Постепенно Михайлов дошел в своих мечтаниях до идеи полного насыщения репертуара Большого театра произведениями с мест. Он рассуждал весьма прямолинейно: «Большой театр может ставить в сезон не менее трех новых опер, следовательно, за пять лет он без труда освоит произведения всех пятнадцати союзных республик, по одному от каждой. Остается лишь определить очередность постановок и утвердить в форме приказа пятилетний план обогащения ими репертуара Большого театра, который (т. е. план) по сложившейся в нашей стране доброй традиции будет, конечно же, выполнен в четыре года...».

Просто и без затей!

Об этих проектах стало известно в Отделе культуры ЦК, и Михайлову было сделано соответствующее внушение. Он отреагировал в привычном для него стиле: стал начисто все отрицать. Для этого он даже специально пришел в театр и затеял со мной разговор во всеуслышание:

— Кто-то распространяет слухи, будто я рекомендовал Большому театру иметь в репертуаре некоторые национальные оперы!

— Так ведь вы постоянно об этом твердите.

— Нет, это неправильно!
— Но вы действительно трубите об этом на всех перекрестках...

— Это неправильно!

Как-то Михайлов присутствовал на представлении оперы «Пулат и Гульру» композитора Шарофиддина Сайфиддинова, которую привез к нам на свою декаду Таджикский театр оперы и балета. С одной оперой у нас было немало возни, прежде чем ее можно было допустить до показа на большой сцене. Скажу только, что автор настолько «не дотянул» партитуру оперы, что к ее написанию были привлечены молодые (в те годы) московские композиторы Э. Денисов, А. Николаев и А. Пирумов во главе с доцентом В. Г. Фере, народным артистом Киргизской ССР; что декорации, в которых опера шла в Душанбе, негодились для Большого театра и оформление спектакля было заново изготовлено в художественно-производственных мастерских ГАБТа; что хор Таджикского оперного театра оказался настолько слабым, что его по необходимости заменили хором Большого театра, которому для этого пришлось выучить хоровую партию произведения на таджикском языке. В довершение всего, в оркестр также были приглашены высококвалифицированные артисты оркестра Большого театра...

(Продолжение следует).